

Елена Толстая
Еврейский университет в Иерусалиме
elenadtolstaya@gmail.com

Elena Tolstaya
Hebrew University of Jerusalem
elenadtolstaya@gmail.com

«ВООБЩЕ СОЦИАЛИЗМ — СОСТОЯНИЕ ПОСТНИЧЕСКОЕ»:
КТО ПИСАЛ ПОД ПСЕВДОНИМОМ «НИЛ»
В *ВЕЧЕРНИХ ОГНЯХ* (ПЕТРОГРАД, 1918)?

“IN GENERAL, SOCIALISM IS A STATE OF FASTING”:
WHO WROTE UNDER THE PSEUDONYM “NIL”
IN *THE EVENING LIGHTS* (PETROGRAD, 1918)?

Работа ставит вопрос об авторстве многочисленных статей, затрагивавших религиозные и церковные вопросы, появившихся весной-летом 1918 года в петроградской газете *Вечерние огни* под псевдонимом «Нил», «Н. Нил» и «Н. Н.». Выдвигаются несколько возможных авторов, но эти версии опровергаются или ставятся под сомнение. Делается попытка по самим текстам восстановить поколенческий и культурный облик возможного автора.

Ключевые слова: 1917–1918, отделение церкви от государства, экспроприации и ликвидации, несоветская периодика, «Дело печати», голод, карточная система, группа 32-х священников, церковная реформа, свободные приходы, В. Свенцицкий, К. Агеев, Григорий Петров, церковная пресса.

The work raises the question of the authorship of numerous articles that touched on religious and ecclesiastical issues that appeared in the spring and summer of 1918 in the Petrograd newspaper *Evening Lights* under the pseudonyms “Nil”, “N. Nil” and “N. N.” Several possible authors are put forward, but these versions are refuted or questioned. An attempt is made to reconstruct the generational and cultural image of the possible author based on the texts themselves.

Keywords: 1917–1918, separation of church and state, expropriation and liquidation, non-Soviet periodicals, “The Press Case”, famine, card system, group of 32 priests, church reform, free parishes, V. Sventsitsky, K. Ageev, Grigory Petrov, church periodicals.

В начале 2000-х я сплошь просматривала петроградские газеты 1918 года. Мне попались *Вечерние огни* — фетовское название привлекло. Взгляд упал на статью, подписанную «Нил», потому что это было написано субъективно, интеллигентно, профессионально и остроумно. Этих статей было много, иногда они были подписаны «Н. Нил», то есть видимо, «Новый Нил», и один раз «Н. Н.».

Происхождение этого псевдонима самоочевидно. Образцом для автора был русский православный святой преподобный Нил Сорский (в миру Николай Федорович Майков (1433–1508), монах, основатель скитов на Руси. Как известно, Нил призывал к нестяжательству, против которого выступил митрополит Иосиф Волоцкий, традиционно стоявший за сохранение церковью своих экономических и политических позиций. Идеей нестяжательства массы зажечь не удалось: естественно, победило иосифлянство,

То, что пишет Новый Нил в статье «Есть и нет» весьма созвучно позиции нестяжательства: «Так отдайте же все, что у вас отнимают рукой насилия, добровольно. Не противьтесь. Благословляйте, а не проклинайте. Примете добровольную нищету ради Него. Тогда Вы докажете, что Он действительно есть в вас» (Нил, 29 апреля)¹.

Меня особенно очаровало в статье «Преодоление голода» авторское сравнение четырех категорий продовольственных карточек Петрокоммун с четырьмя степенями монашеской аскезы:

...нам властно диктуется ...одна задача — преодоление голода. С этой цели граждане Петроградской Трудовой Коммуны разделены на четыре степени или разряда в отношении продовольствия. ...Чем интеллигентнее человек, тем скуднее его продовольственный паек. Ведь сытое брюхо к ученому глухо. Человек ученый должен быть способен к посту и преодолению самой высокой степени недоедания. Иное дело чернорабочий. Желудок у него гораздо нетерпеливее и привык к большим массам хлеба, каши, капусты, сала. ... Но... и паек чернорабочего с дополнительной карточкой ныне совершенно скуден. ... Заметим, что это разделение обывателей Петрограда на четыре категории по отношению к питанию соответствует строжайшему студийскому уставу общежительных монастырей, по которому все монахи в отношении поста делились на «новоначальных», «преуспевающих», «преуспевших» и «совершенных». Последние именно и получали только восьмушку хлеба. Потом уже шли «схимнецы» и «затворники», пост которых был еще суровее и сообразно особому правилу для каждого (Нил, 21(8) июня).

Это вообще любимое сравнение этого автора. В статье «Полгода» он пишет:

Россия накануне полного преобразования в социалистический монастырь. Зимой нас заставили очищать улицы от снега и нечистот. Монастырское послушание для непокорных монахов. Вообще социализм — состояние постническое (Нил, 1918, 8 мая).

¹ Здесь и далее все ссылки на статьи Нила даются по газете *Вечерние огни* (Петроград), 1918. Поэтому ниже в тексте даются указания только на месяц и число, но не на год.

Наш автор, возможно, монах, ибо он изнутри знаком с монашескими порядками. С другой стороны, он может быть и священником, потому что в статье «Церковный кризис» он обращается к священникам: «братья-священники» (Нил, 24 (11) июня), как Некрасов к другим писателям обращается «Братья-писатели». А может ли монах обратиться к священникам «братья-священники»? Наверно, может.

Нил появляется в конце марта 1918 года и исчезает в середине июля. Его очерки звучат все отчаяннее по мере того, как все мрачнее становятся новости. Ряд драматических событий этой осени и зимы перевернули русскую церковь и поставили под сомнение самое ее существование. С августа 1917 года в Москве работал Всероссийский Поместный собор, провозглашенный главной церковной властью. Он положил конец государственному контролю над церковью: впервые за 200 лет был выбран патриарх, и церкви была возвращена автономность. Однако, большевистский переворот де факто обесмыслил церковную реформу, как и остальные демократические преобразования.

«Нил» явно бывший сторонник церковной реформы. По всей вероятности, как и тысячи его братьев-священников, он жаждал обновления церкви до революции, однако он решительно настроен против казенного советского «обновленчества» теперь, после революции: надо понимать, что никакой нормальной церковной жизни быть не может — священники не служат литургию, ибо нет вина, поскольку винные склады разгромлены (Нил, «Полгода», 8 мая).

Главное — не верить успокоительным голосам в печати, которые твердят, что раз прошел Всероссийский Поместный собор, то и церковное обновление совершилось. Нет, говорит Нил в статье «Церковный кризис», «все это бумажное только устроительство», все остается по-старому, потому что церковь не хочет демократизации, поэтому ее и не было:

Духовенство по-прежнему думает обойтись без народа. Живое тело церкви и прихода — народ — видите ли, демократизирует церковь. Синодальные чиновники — священники неспособны войти в жизнь своей паствы. Даже в такую историческую минуту они сохраняют протоиерейский аристократизм (Нил, 24 (11) июня).

Пожалуй, перед нами все-таки не священник, и уж ни в коем случае не протоиерей.

Эта приверженность Нила к церковной демократии и его уверенность в пагубности синодального управления церковью близки к позиции Антона Карташева, главного идеолога движения за церковную реформу в России. Антон Владимирович Карташев (1875–1960) после Февральской революции успел побывать обер-прокурором Синода и в этом качестве Синод распустить и превратиться в министра по делам вероисповеданий Временного правительства.

После октябрьского переворота Карташев, как и другие министры, отсидел в Петропавловской крепости, был выпущен, однако, ему не разрешили вернуться к себе домой, некоторое время он жил у коллег и уехал в Москву, где начал организовывать вооруженное сопротивление большевикам. Арестовать себя не дал и вскоре продолжил делать это из Гельсингфорса и из Эстонии, затем жил и преподавал в Париже.

Но Нил оказывается еще радикальнее. Священник не должен быть синодальным чиновником, частью вертикальной иерархии. Нил верит, что главное дело церкви — это прямое взаимодействие с народом через приход — отношения, так сказать, горизонтальные. Это близко к идее одного из главных сторонников религиозной реформы до революции — В. Свенцицкого (см. ниже) о «свободном приходе».

Новая атеистическая власть повела с церковью беспощадную войну. В самом начале 1918 г. власть захватила синодальную типографию. Церковь пыталась сопротивляться: в Петрограде с 11 января начались общие собрания духовенства, вынесшее резолюцию протеста. Но уже 20 января (2 февраля по н. ст.) был издан декрет об отделении церкви от государства. Церковная собственность, в т.ч. на землю и недвижимость, ликвидировалась. Церковно-приходские школы также уходили из-под контроля церкви. Была захвачена Троице-Сергиевская лавра. На захват лавры властями церковь отреагировала крестными ходами, которые превратились в схватки властей с массами верующих. Тогда власти ослабили давление. Но гонения продолжались, в частности, шли аресты священников. В статьях Нила мы не увидим отсылки к этим животрепещущим и болезненным темам. Или, может быть, фразу «братья-священники» надо понимать как отсылку к продолжению некрасовского стихотворения: «Братья-писатели, в вашей судьбе Что-то лежит роковое»?

Главная тема нашего автора — голод. Кончалась первая революционная голодная зима. Никто не знал, что за ней последуют еще три, каждая новая страшнее другой, потому что в конце концов не останется никаких ресурсов для выживания. Тексты Нила, особенно статья «Весеннее раздумье», запечатлели начало этого истребления собственного народа:

...обнажились верхушки муравейников, и члены трудовой коммуны, маленькие работники — муравьи вышли; так и кипят на солнечном пригреве после зимней спячки <...> И петроградские несчастные «буржуи», худые, зелено-бледные, с помертвелыми лицами, с голодным «оскалом», как выражаются «полевые» цыгане, выползли из своих мрачных и душных квартир, где таились, трепеща «демократического» вселения. Томясь и накапливая на солнечной стороне славной Невской перспективы, у банков, которые все недоумевают, открыться ли им опять или закрыться опять и навсегда, они осматриваются и ощупываются... Кажется, мы живы! Живы. Живы (Нил, 6 апреля).

Живы, но не полностью. В статье «Есть и нет» Нил не пишет о физической гибели города, каковой и не было, его не интересуют камень и дерево, да никаких тогда повреждений и не было — а город тем не менее

умирал. Он пишет не только о телесных, но и о нравственных мучениях его обитателей:

Густая, душная, безнадежная эманация атеизма повисла в воздухе. Еще пять минут тому назад толпа ликовала, рукоплескала. Для привлечения симпатий толпы надо пред нею разбить что-нибудь прекрасное: античную вазу, дивную статую, чей-либо непреложный авторитет, либо чью-то высокую репутацию. Толпа восторгается, ибо чувствует при этом освобождение от гнета. ...Теперь лица были темны, хмуры, бледны, разочарованы. Мгновенное возбуждение прошло. Толпа таяла. Личность возникала. В ней поднималась темная рефлексия...Сокрушен был алтарь всемирной мечты, и сама она, Психея с лазурными крыльями, растоптана. Все культы поруганы и все мистерии — грубо, бездушно, бесцветно, бездарно. И жизнь всех отошла от сердца. Ибо ничем иным ... человек и не живет, кроме своей мечты (Нил, 29 апреля).

Освобождение оказалось ложным — наоборот, оборачивалось еще большим гнетом. 8 мая Нил в статье «Полгода» подводит итоги достижений новой власти: это полная остановка всякой нормальной производительной жизни:

Мы отстрадали полгода после октябрьского переворота. ...Встретили и проводили голодную Пасху. Не начнем служить литургию. Вина нет. Винные склады погромлены своевременно... «Аннулировали» капиталы и капиталистов. Вскрыли и взломали сейфы. Национализировали банки. Кредит разрушился. ...Безработица. Промышленность остановилась (Нил, 8 мая).

И тут характерный акцент: Нил сочувствует писателям, обокраденным новой властью, и мы чувствуем здесь профессиональную солидарность:

От Февральской революции нам осталось только два приобретения — «керенки» и безграмотное правописание для школ. Зато отменено право наследования, дарения, и у русских писателей, не только умерших, но и живых, отняты права собственности на их сочинения и почему-то переданы товарищу Луначарскому (Там же).

Один раз Нил вкратце затрагивает и текущие литературные дела. Это статья «Бледный буреветник», напечатанная за 4 дня до закрытия горьковской «Новой жизни». Там описывается, как укрощают вольных птиц — соколов и кречетов. Надо их морить голодом. Тогда они садятся на руку взять пищу. К тому самому человеку, который морил их голодом. Нил заключает:

Да, была когда-то и интеллигенция, гордым, вольным буреветником — птицей, предвестницей движений океана. Но теперь и перья повылезли, и опаршивела вся, сидит нос повеса на шестке. Буреветник, птица революции, кому сядешь ты на рукавицу, какому соколятнику? (Нил, 12 июля).

Горький воспринимался в России именно как духовный бунтарь, именно в его своеобразной религиозности был секрет его привлекательности для широкого интеллигентного и полуинтеллигентного читателя, сохранявшего религиозные интересы. Поэтому так небезразлично нашему автору,

что происходит с Горьким, изобразившем в романе *Мать* (1906) революцию именно как новый религиозный феномен. После революции Горький со своей критикой террора Ленину быстро надоед, большевики его газету терпели дольше других, но в конце концов закрыли и ее. Интеллигенция, главный носитель идеи свободы, которую Горький здесь символизирует, была вынуждена или гибнуть, или идти на службу той самой власти, которая морила ее голодом.

Результатом истребления интеллигенции было интеллектуальное оскудение страны. В статье «Хлеб за ум» «Нил» пишет, что неудивительно, что город голодает: ведь раньше Петроград был мозгом всей страны, за это страна его кормила:

Нам давали хлеб за наш ум, власть ума и за умную власть. И если теперь мы голодаем, то это потому, что мы обьюродивели, что лампада разума нашего чадит и гаснет. Кому нужен безмозглый город? Гонения на печать, на свободное слово, удушение газет — один из способов остановить нервно-мозговую колоссальную деятельность Петрограда. Ну, вы не даете больше стране ума, не даете ей духовного света, вам отказывают в керосине. ...Ужасное бедствие — прекращение книгоиздательской работы столицы. У страны нет даже букварей. ...Книги для России уже печатаются в Берлине (Нил, 19 июня).

Вывод очевиден: нельзя поставить хвост выше головы, а самонадеянное невежество выше ума, таланта и знания. Емелюшка-дурачок, усевшийся на соломоновом седалище, сам с голоду помрет и других заморит.

Оригинально в этой связи мнение Нила по крестьянскому вопросу. Он считает, что чем больше земли получают крестьяне, тем хуже, потому что важно не то, сколько у тебя земли, а то, насколько земля культивирована, а сейчас ситуация такая, что просят дворян взять землю обратно, а они не берут — им убитая земля не нужна. На запущенной негодной земле ничего не вырастет, и будет голод.

В ситуации хилой советской власти, компенсирующей бездарность жестокостью, он, по контрасту, монархист. Нил считает, что захват кайзеровской Германией больших пространств Российской империи наглядно убеждает в преимуществах монархической власти (этой власти оставались считанные месяцы).. Он горюет, что нынешняя российская власть слаба — ведь сам Ленин называет ее киселем («Кисель и железо»).

В юбилей Маркса он печатает ехидную статью: почему, если мы все делаем по Марксу, получается черт знает что?

Он выступает против социалистических группировок внутри церкви. В 1917 в Петрограде активен был «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян». Руководители союза были христианские социалисты — блестящий проповедник священник Александр Введенский и рабочий священник Александр Боярский. Это будущие обновленцы. Но наш «Нил» ни к каким компромиссам с социализмом не склонен. В статье «Чего России не нужно?» он заключает: социализм — доктрина вообще для России неподходящая:

Все реформаторствуют. Однако ничего нового не предлагают. Все испытано и все дало один только результат, о котором поется в известной песенке: «Нет ни хлеба, нет ни чая. Нет ни водки, ни вина...»². Безработица и голод единственные последствия всяких «социализаций». Не будем говорить о том, что России надо. Спросим, что ей не надо? Ответ готов. Вся социалистическая печать всех партий и фракций единодушно решила: России не надо ... социализма (Нил, 18 июня).

Одну из своих статей Нил заканчивает такими безнадежными соображениями: в России завоевания цивилизации отменились. Лапти, лучина и мякинный хлеб, который в последний раз народ, старый постник, ел в 70-х, вновь возвращаются в Россию — только раньше в ожидании хлеба питались щавелем, а теперь в городе и того нет.

Если весной Нил писал: «Но возрождается Феникс», в июне такой уверенности у него уже нет. Но он не злорадствует. Перед голодом мы все равны, и хоть и разделены на четыре степени, но это только степени единого голодного умирания.

Я ломала голову — кто же это мог быть, но не смогла найти автора и рассказала о «Ниле» на литературоведческой конференции в 2023 г. в Иерусалиме. Тогда Вадим Владимирович Полонский выступил с предположением, что нашим автором мог быть духовный писатель, протоиерей Валентин Свенцицкий. Общеизвестно, что Валентин Павлович Свенцицкий (1881–1931) был одним из тех, кто мечтал о религиозной реформации в России. Среди ближайших друзей его были В. Ф. Эрн, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Андрей Белый. Свенцицкий был радикалом. В революционном 1905 году вместе с Эрном он создал первую в России христианскую политическую организацию — «Христианское братство борьбы», целью которого было эмансипация церкви от светской власти. Затем Свенцицкий стал одним из основателей Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва, был активен как докладчик, публицист и прозаик. Свенцицкий с религиозных позиций призывал к справедливому социальному устройству, верил в оцерковление жизни. С 1909 года он скрывался от ареста за свои радикальные статьи, странствуя по России, Кавказу и Сибири. С 1915 года печатался в петроградской «Маленькой газете», пытаясь объединить верующих вокруг приходской общины — «свободного прихода». В сентябре 1917 года, то есть перед самым октябрьским переворотом Свенцицкий был рукоположен в священника и назначен проповедником при штабе 1-й армии Северного фронта; правда, он начал служение в Туапсе (где жила его семья) и приступил к своим обязанностям только в ноябре. Однако, после переворота армия быстро разлагалась, и Свенциц-

² Эта частушка откликнулась в более современной, записанной в 1960-х: «Милый Ленин, открой глазки, Нет ни водки, ни колбаски, Нет ни пива, ни вина, Радиация одна» (Минаева, Панченко 2013). Надо думать, в подлиннике, запечатленном у Нила, вместо «радиация» пелось «революция».

кий, не дожидаясь увольнения (3800 военных священников были уволены 16 января 1918 года) уехал на юг, оказался в Ростове при штабе Корнилова и стал проповедником организующейся Добровольческой армии (Свенцицкий 1931). Возвратился он в 1920 году в Москву. В 1922 году мятежный пастырь выступил против советской креатуры — обновленцев-живоцерковников, был арестован и выслан в Таджикистан, откуда вернулся в 1924 году. В 1926 г. Свенцицкий стал настоятелем московского храма святителя Николая Чудотворца на Ильинке, несколько раз выражал несогласие с официальной церковной политикой и в 1928 году был вновь арестован и сослан в Иркутскую область. Тяжело болел, не получая медицинской помощи, и скончался в 1931 г. в г. Канске. Похоронен в Москве.

Итак, Свенцицкий не мог быть Нилом, поскольку весной 1918 был на юге.

Им с большой вероятностью мог быть один из членов знаменитой группы 32-х петербургских священников, выступивших за обновление русской церкви в 1905 г. — сторонников церковной реформы, близких по взглядам Антону Карташеву (к тому времени уже покинувшему Россию). Это была церковная интеллектуальная элита Петербурга — молодые, образованные и идейные священники-законоучители гимназий и высших учебных заведений, по большей части близкие к Религиозно-философскому обществу. Духовным центром группы был ни кто иной как корифей славянофильства Николай Аксаков. Домом группы был дом протоиерея, богослова Петра Магистриановича Крémлевского (1870–1943), служившего в церкви на Суворовском проспекте. Судя по его сочинениям (см. Кремлевский 1907), сам он кажется слишком академическим автором для нашего псевдонима.

По ряду признаков обсуждаемые материалы могли бы принадлежать протоиерею Константину Марковичу Агееву, персонажу яркому и близкому к литературным кругам (1868–1921) (Балакшина 2014:130–143). Церковный деятель Константин Агеев происходил из тульских крестьян. После Киевской духовной академии рукоположен в священники. Служил в Царстве Польском, с 1903-го жил в Петербурге, преподавал. Был одним из создателей «Братства церковного обновления» и Религиозно-философского общества и автором многочисленных статей по церковно-общественным литературным вопросам. Участник Поместного Собора (1917–1918). В июле 1919-го перебрался на юг России. Расстрелян красными в 1921 в Крыму.

Протоиерей Агеев был популярен у петербургской интеллигенции, ср.:

Неудивительно, что такая нацеленность на диалог и даже защиту интеллигенции, привлекала к о. Константину ее представителей, ищущих церковной жизни. Так, после одного из его выступлений в Русском собрании к нему подошел профессор Академии Художеств и попросил позволения всей семье стать его духовными детьми. В 1906 году о. Константина приглашал на предсмертную беседу акад. А. Н. Веселовский (см. письмо от 6.X.1906); у него принял крещение С. Л. Франк; Александр Блок советовал своей матери обращаться к о. Агееву в дни сомнений и раздумий; Вяч. Иванов посещал церковь при Ларинской гимназии, в которой о. Константин служил с 1906 года (Балакшина: там же).

В 1906–1907 гг. Аггеев сотрудничал в еженедельнике *Век* и приложении к нему *Церковное обновление* вместе с такими авторами, как А.В. Карташев, С. Н. Булгаков, А. С. Волжский, В. Н. Свенцицкий, В. Ф. Эрн, Н. Н. Бердяев и др. Надо думать, что принадлежность к этому литературному контексту наложила на его язык свой отпечаток, общий для круга РФО. Нечто похожее есть и в сочинениях Нила (поэтому и можно было предположить, что за текстами Нила стоит Свенцицкий). Но все же и наша атрибуция их Аггееву остается лишь гипотезой. В ее пользу говорят соображения жанровые. У Аггеева были навыки постоянной газетной работы на темы церковно-общественные, и Нил хорошо владеет газетным форматом. Но другие доводы говорят против Аггеева. Аггеев — модный интеллигентский священник, служивший на Высших женских курсах, а впоследствии даже в Союзе Городов — за что получил прозвище «земпоп». В нем нет ничего провинциального. А наш автор не полностью совпадает с этим профилем. В обращении его с цитатами есть некоторая неуклюжесть, так, он коверкает цитату из Лермонтова («Сказка для детей»). Сам набор цитат случаен: цитата из *Цыган* — и из И. С. Никитина; фрагмент стихотворения Случевского «Статуя» (1860) и перевранная цитата из поэмы Ивана Аксакова *Бродяга* (1848, публ. 1853): «И звон пленительный Всем в душу просится» — в оригинале «И звон смиряющий Всем в душу просится». Инструкция по поводу устройства военных поселений, про «коммунир-кантоны» — и старинный романс «Переплут — лунный свет./Там и тут,/Есть и нет», и даже современная политическая частушка. Если приглядеться, «моложе» стихотворения Случевского 1860 г., художественных текстов в упоминательном запасе автора и нет. Это непохоже на блестящего Аггеева, каким он встает из воспоминаний и дневников. Наверно, это значит, что Нил был существенно старше.

Кто же это был? Священник — не священник, для монаха слишком от мира сего, — возможно, просто околицерковный интеллигент, религиозный, но как-то расплывчато, приметливый, не Бог весть какой ученый и профессионально легко пишущий? Мог ли это быть духовный писатель Г. С. Петров?

Григорий Спиридонович Петров (1866–1925) — религиозный публицист и проповедник, популярный в предреволюционной России и много переводившийся на иностранные языки. Сын кабатчика или буфетчика. Учился в семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, с 1893 года законоучитель и настоятель церкви в Михайловском артиллерийском училище. Стал популярным лектором и писателем. Писал в крайне упрощенной и задушевной манере, призывая сделать Евангелие руководством в повседневной жизни и критикуя религиозную жизнь в России за преобладание внешних, обрядовых сторон. Как и Свенцицкий, и Аггеев, Петров был членом группы 32-х священников. В 1903 году был отстранен от должности из-за своего радикализма. Был своим человеком в РФО (даже один из его многочисленных псевдонимов — Антон Средний — содержит ал-

люзию на псевдоним З. Гиппиус — Антон Крайний). Его нравственная проповедь близка была толстовству. Его ценили Горький и Чехов, его поклонником был Розанов и даже С. Ю. Витте. Его проповеди собирали толпы. Петров также был журналистом — вел журнал *Друг трезвости* (1900—1901) и постоянно сотрудничал в сытинском *Русском Слове*. Во время первой русской революции получил репутацию неблагонадежного. В 1906 году он редактировал умеренно-либеральную газету *Правда Божия*, которая так раздражала reactionеров, что была через полгода запрещена. В 1907 году был избран депутатом 2-й Государственной думы от кадетов.

А в 1908 году опальный священник был лишен сана, с запретом жить в Петербурге. Он поэтому много ездил по России со своими проповедями в духе христианского социализма, а постоянно поселился в Финляндии — в Выборге. Позднее жил в Крыму, разъезжая с лекциями по южным городам. Как многие революционеры, Петров приветствовал Февральскую революцию, но не принял октябрьского переворота. Иногда пишут, что Поместный собор 1917—1918 годов восстановил его в сане, но этому нет документальных подтверждений.

Как видим, Григорий Спиридонович Петров являл собою то же самое сочетание либерализма, не вполне канонической религиозности и зоркой заботы об устройении земной жизни на верных духовных и нравственных основаниях, которое мы видим у нашего автора. С другой стороны, Нил не такой англофил и не столь явный протестант, как Григорий Петров, да и нет у него такой легкости и блеска.

Мог ли Петров оказаться в Петрограде в то время, когда печатался Нил? В ноябре 1917 года он читает лекции в Ростове и Новочеркасске. Целый год о нем ничего не известно, но в сентябре 1918 его арестовывают в Москве. С другой стороны, у белых, о нем пишут, что он в своих лекциях чуть ли не одобряет режим и называют его большевиком (Племя 2005) (совершенно напрасно, потому что в 1919 г. Петров опять оказывается в Ростове, поближе к своему сыну, служившему в Добровольческой армии — сын погиб в мае того же года) затем, отступая вместе с добровольцами, в Крыму. В 1920 году он в трюме корабля бежит в Константинополь, оттуда в Галлиполи и, наконец, поселяется в Сербии. В мире получила широкая известность его книга *В стране белых лилий* (1923) — о Финляндии как о стране с наилучшим внутренним устройством, которая могла бы быть примером для России. Григорий Петров умер после операции в Париже в 1925 году.

Итак, где был Петров весной 1918 года, мы не знаем. Но зачем бы популярнейшему во всей России лектору, который жил тогда постоянно в Крыму и зарабатывал лекциями и продажей своих книг в южных городах, перебираться в холодный и голодный Петроград и зависеть там от скудного газетного заработка? Правда, на самом деле в Крыму уже в конце осени 1917 года начались вооруженные стычки между большевистскими силами — в основном русскими — и татарским краевым правительством. В январе 1918 года главные города на крымском побережье после

ожесточенных боев попали под власть большевиков, в городах шли массовые аресты и казни. Так что вполне возможно, что Петров постарался оттуда поскорее выбраться. Но логично было бы ехать в белый Ростов, где было вдоволь хлеба, а не в страшный зиновьевский Петроград. Однако, возможно, что Петров руководствовался не логикой, а необходимостью. Можно предположить, что летом 1918 г., испуганный боевыми действиями на юге, собрав все, что можно, с южной России, он вынужден был предложить читать свои лекции в советской России? Иначе почему он оказался в сентябре в Москве? Все же никакого намека на присутствие Петрова с весны в Петрограде, а значит, в возможном тождестве Петрова и Нила, это нам не дает.

Наверно, надо искать нашего автора, опираясь на контекст — исходя из того, кто мог работать в газете *Вечерние огни*?

Сразу после октябрьского переворота типографии, где печатались т.н. буржуазные газеты, были захвачены и издания прекратились, потом ряд газет, среди них такие крупные, как *Русское слово*, открылся опять, однако власти их постоянно закрывали под разными предлогами, они же возникали вновь под новыми названиями. В Петрограде продолжалось то же самое, с одним нюансом — ведущая и популярнейшая консервативная газета *Новое время* была закрыта бесповоротно в ночь на 26 октября, сразу после переворота. Вместо закрытых «буржуазных» газет возникли новые, с теми же сотрудниками. Группа сотрудников закрытого большевиками *Нового времени* и *Вечернего времени*, 8 (21) марта 18 года начала издание газеты *Вечерние огни*. В советских справочниках она характеризуется как «антибольшевистская» и «монархическая». Но если смотреть список сотрудников обеих закрытых газет, там нет никого, даже близко напоминающего Нила.

10 февраля 1918 г. по новому стилю, был издан Декрет о Революционном трибунале печати, который мог арестовывать журналистов, штрафовать или даже закрывать газеты и журналы за публикацию «ложных и извращенных» сведений о текущих событиях. Трибунал всего за три месяца своей работы прекратил выпуск около 100 изданий. 4 мая 1918 г. надзор за печатью передали ВЧК. Летом 1918 года был организован процесс, получивший название «Дело печати», в ходе которого были закрыты многие «несоветские» газеты, в том числе и *Вечерние огни*. Последний номер вышел 24 (11) июля 1918 г. *Вечерних огней* всего вышло 79 номеров. В *Вечерних огнях* работали сплошные псевдонимы, не учтенные у Масанова. Но с литературными фельетонами участвовали и известные писатели: Степан Кондурушкин, когда-то близкий к кругу Горького, но разочаровавшийся и отошедший от него, и Александр Дроздов, тогда еще очень молодой.

Издавал газету двадцатишестилетний Иван Михайлович Калинин (1892–1924), после историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета храбро воевавший, потом работавший в газете *Новое время* корреспондентом, заведующим информацией, помощником редактора. После закрытия *Вечерних огней* он переехал в Одессу, а после

занятия Добровольческой армией Киева возобновил там издание *Вечерних огней*. Это была совершенно другая газета, теперь она стала резко антисемитской. Затем Калининков эмигрировал в Константинополь и Софию, где издавал газету *Русь*. В 1924 году Калининков был убит в Софии, считается, что по приказу из Москвы.

Отец Ивана Михайловича был священником Симеоновской церкви в Петербурге. До того о нем как об авторе совершенно ничего не известно. Возможно ли, что это он был Нилом? Вряд ли — ведь когда читаешь Нила, то чувствуешь, что это не новичок в газетной работе, что пишет профессионал.

Нет, скорее всего наш Нил — кто-то из коллег и сверстников этого священника, а может, и человек постарше, из поколения не отцов, а дедов, цитирующий стихи 1860-х и еще заставший социалистические коммуны 1870-х. Нил пишет в статье «Чего России не нужно», что сам побывал во многих коммунах: «Все же попытки коммун — а я бывал и жил и в чисто социалистических, и в толстовских, и в евангелических, но без целибата — кончаются печально» (Нил, 18 июня).

Чисто социалистические коммуны — это в основном городские коммуны народников, феномен 1870-х; религиозно-социалистические относятся к середине 80-х, а толстовские возникали с конца 1880-х; евангелические же расцвели в конце XIX — начале XX века на основе т. н. штунды — протестантских сект, в основном на юге России и на Украине, особенно в Крыму. Так что автор скорее всего человек уже совсем немолодой, теперь умеренно либеральный, а в свое время интересовавшийся и идеями социализма, и толстовством, и религиозными сектами «без целибата». Слова «без целибата» здесь очень важны. Чтобы сделать церковную карьеру, нужно было сразу после академии жениться и получить приход. А перед нами человек, прошедший, возможно, годы в скитаниях и поисках — религиозных, социальных — и, видимо, сексуальных. У такого человека не могло быть успешной церковной карьеры. Возможно, это тот самый баснословный семинарист, который когда-то — в шестидесятых — «ушел в народ»? Не зря же он так хорошо знает народ, так любопытен к земельному устройству, так жаден до подробностей в этих вопросах. Неужели старый народник? Насколько старый? Такому человеку в 1918 году было бы за 75 лет...

Понятно, что с такой биографией он бы не успел сделать церковную карьеру, тем более в Петербурге. Но возможно, все-таки на каком-то этапе остепенился и стал священником? С другой стороны, многое указывает на то, что на тот момент он был монахом. Петербургский мужской монастырь назывался Приморская Сергиевская мужская пустынь в Троице-Сергиевской лавре. Она была разграблена в начале 1918-го, а монахи были лишены прав. Не потому ли Нил и предлагал все отдавать и не жалеть? Для сохранения личности активная позиция предпочтительнее позиции жертвы. Не потому ли и назвался Нилом — ведь Нил Сорский был отшельник, пустынный?

В любом случае, наш Нил имел духовное образование, религиозные интересы, а кроме того, также и литературные навыки. Может быть, этот предположительный бывший монах (или бывший священник) преподавал русскую литературу в одной из семинарий, закрытых большевиками в конце 1917 — начале 1918 года? Или был всего лишь сотрудником одного из многочисленных церковных или околоцерковных изданий, закрытых тогда же? Оставшись без пропитания, он искал журналистской работы?

Есть одна подробность, которая указывает, что он был близок редакции газеты настолько, что в кризисный момент — во второй половине июня, когда, по всей видимости, остальные сотрудники газеты начали разъезжаться кто куда, он печатался безотказно несколько дней подряд — 18, 19, 21 и 24 июня. Газета пробарахталась еще месяц.

Еще немножко, и мы его найдем. Правда, это будет не так просто: мы не представляем себе, насколько обширен — практически неогляден — корпус церковных и околоцерковных периодических изданий, которые прекратили свое существование в ноябре 1917 года.

Наряду с академическими богословскими и серьезными церковными изданиями, в конце XIX — начале XX вв. (преимущественно после 1881 г.) религиозными обществами, монастырями, приходами, приходскими советами и частными лицами стали издаваться периодические издания, в которых церковно-общественные и научно — богословские вопросы отступают на второй план, а главное место занимают общедоступные религиозно-нравственные статьи для назидательного чтения, такие, как *Русский паломник* (1885–1917), *Воскресный день* (1887–1917), *Кормчий* (1888–1917), *Приходская жизнь* (1899–1918), *Отдых христианина* (1901–1917). Огромное распространение в последней четверти XIX в. и начале XX в. получили издававшиеся Свято-Троицкой Сергиевой лаврой *Троицкие листки* (к 1912 их было выпущено свыше 115 миллионов экземпляров) и подобные им летучие издания (Троицкий 1998).

Эти газеты и журналы когда-то были свезены в библиотеки и помещены в спецхраны, читателям они семьдесят лет не выдавались, и трудно сказать, какая часть их уцелела. Но именно среди них я стала бы искать сочинения того, кто в полузапрещенной петроградской газетке описал голодную весну 1918 года как всенародное постничество.

ЛИТЕРАТУРА

- Балакшина Юлия. *Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников). 1903–1907: Документальная история и культурный контекст*. Москва: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014: 130–143.
- Кремлевский Петр, свящ. *Оправдание пастырства*. Ч. 1. Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева, 1907. https://azbyka.ru/otechnik/Petr_Kremlevskij/opravdanie-pastyrstva.
- Минаева Анна, Панченко Александр. «“Сон Горбачева” и русский политический фольклор эпохи перестройки». *Антропологический форум* 12 (2013) online https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_panchenko_minaeva.pdf

- Нил (псевдоним, также Н. Нил, Н. Н.). Статьи в газете *Вечерние огни*, Петроград, 1918: 6 апреля — «Весеннее раздумье»; 29 апреля — «Есть и нет»; 8 мая — «Полгода»; 18 июня — «Чего России не нужно?»; 19 июня — «Хлеб за ум»; 21(8) июня — «Преодоление голода»; 24 (11) июня — «Церковный кризис»; 12 июля — «Бледный буре-вестник».
- Племя Сергей. «Опальный лектор». *Донской временник. Год 2006-й*. Вып. 14. Ростов-на-Дону: Донская государственная публичная библиотека, 2005: 45–47. Прим. 4, 5.
- Свенцицкий Валентин. *Автобиография*. 1931. http://az.lib.ru/s/swencickij_w_p/text_0500_autob.shtml (См.1917 и 1919).
- Троицкий Александр. «От редактора». Андреев Г. Л. *Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг.* В 3 т. Т. 1: А–М. Синодальная библиотека Московского Патриархата. New York: Ross, 1998 (<https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/hristianskaja-periodicheskaja-pechat-na-russkom-jazyke-1801-1917-gg-tom-1>).

REFERENCES

- Balakshina Yuliya. *Bratstvo revnitelej cerkovnogo obnoveniya (gruppa «32-h» peterburgskih svyashchennikov). 1903–1907: Dokumental'naya istoriya i kul'turnyj kontekst*. Moskva: Svyato-Filaretovskij pravoslavno-hristianskij institut, 2014: 130–143.
- Kremlevskij Petr, svyashch. *Opravdanie pastyrstva*. Ch. 1. Sankt-Peterburg: tip. M. Merkusheva, 1907. https://azbyka.ru/otechnik/Petr_Kremlevskij/opravdanie-pastyrstva.
- Minaeva Anna, Panchenko Aleksandr. «“Son Gorbacheva” i russkij politicheskij fol'klor epohi perestrojki». *Antropologicheskij forum* 12 (2013) online https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_panchenko_minaeva.pdf
- Nil (pseudonim, takzhe N. Nil, N. N.). Stat'i v gazete *Vechernie ogni*, Petrograd, 1918: 6 aprelya — «Vesennnee razdum'e»; 29 aprelya — «Est' i net»; 8 maya — «Polgoda»; 18 iyunya — «CHego Rossii ne nuzhno?»; 19 iyunya — «Hleb za um»; 21(8) iyunya — «Preodolenie goloda»; 24 (11) iyunya — «Cerkovnyj krizis»; 12 iyulya — «Blednyj burevestnik»;
- Plema Sergej. «Opal'nyj lektor». *Donskoj vremennik. God 2006-j*. Vyp. 14. Rostov-na-Donu: Donskaya gosudarstvennaya publichnaya biblioteka, 2005: 45–47. Prim. 4, 5.
- Svencickij Valentin. *Avtobiografiya*. 1931. http://az.lib.ru/s/swencickij_w_p/text_0500_autob.shtml (Sm.1917 i 1919).
- Troickij Aleksandr. «Ot redaktora». Andreev G. L. *Hristianskaya periodicheskaya pechat' na russkom yazyke 1801–1917 gg.* V 3 tt. T. 1: A–M. Sinodal'naya biblioteka Moskovskogo Patriarhata. New York: Ross, 1998 <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/hristianskaja-periodicheskaja-pechat-na-russkom-jazyke-1801-1917-gg-tom-1>).

Јелена Толстој

„УОПШТЕ СОЦИЈАЛИЗАМ ЈЕ СТАЊЕ ПОСТА“: КО ЈЕ ПИСАО ПОД ПСЕВДОНИ-
МОМ „НИЛ“ У НОВИНАМА *ВЕЧЕРЊА СВЕТЛА* (ПЕТРОГРАД, 1918)?

Резиме

Рад се бави утврђивањем ауторства многобројних чланака који су се бавили религи-
озним и црквеним питањима током пролећа и лета 1918. године у петроградским новинама
Вечерња светла, а који су били потписани псеудонимом „Нил“, „Н. Нил“ и „Н. Н.“. Изно-
си се претпоставка неколико могућних аутора, али се све верзије оповргавају или изази-
вају сумњу. Чини се покушај да се на основу самих текстова реконструише генерацијски
и културни облик могућног аутора.

Кључне речи: 1917–1918, одвајање цркве од државе, експропријација и ликвидација,
несовјетска периодика, „Досије штампе“, глад, систем картица, група 32 свештеника, црк-
вена реформа, слободне парохије, В. Свенцицки, К. Агејев, Григориј Петров, црквена
штампа.